

А.Н. Гуня

Институт географии РАН, г. Москва (Россия)

**ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ГОРНОГО ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ:
ОСОБЕННОСТИ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ
И ПРАКТИЧЕСКИЕ ШАГИ**

Аннотация. В работе приведен анализ некоторых методологических и практических шагов в области институционального регулирования природопользования в горных регионах. Основные пути институционализации связаны с коммерциализацией природных ресурсов и приватизацией земель, изменением в системе отношений между государством и местным сообществом при повышении роли горных общин. Остро стоят задачи обозначения статуса горных территорий, разработка законов, направленных на развитие и охрану горных территорий, преодоление проблем взаимоотношения формальных и неформальных правил природопользования в горах. Принятый в 2020 году Модельный закон СНГ «О развитии и охране горных территорий» состоит из 10 глав и 39 статей, которые охватывают широкий спектр проблем государственной политики в области развития и охраны горных территорий, регулирования предпринимательской деятельности на горных территориях, обеспечения развития системы образования, туризма, охраны природы и др. Институционализация регулирования природопользования горных регионов должна сопровождаться исследованиями на локальном уровне. Разработка критериев отнесения муниципальных образований к горным, прописанная в Плане реализации Стратегии пространственного развития РФ (2019), формулирует наряду с практическими методологическими задачами институциональной географии горных стран, в частности, методики изучения институциональных границ и оценки эффективности различных институтов.

Ключевые слова: институционализация, горные территории, модельный закон, стратегия пространственного развития.

A.N. Gunya

Institute of Geography RAS, Moscow (Russia)

**INSTITUTIONAL REGULATION OF MOUNTAINOUS NATURE RESOURCE USE:
FEATURES OF METHODOLOGICAL SUPPORT AND PRACTICAL STEPS**

Abstract. The paper provides an analysis of some methodological and practical steps in the field of institutional regulation of nature resource use in mountainous regions. The main ways of institutionalization are associated with the commercialization of natural resources and land privatization, changes in the system of relations between the state and the local community, while the role of mountain communities is increasing. There are urgent tasks to designate the status of mountain areas, to develop laws aimed at the development and protection of mountain areas, to overcome the problems of the relationship between formal and informal rules of nature management in the mountains. The CIS Model Law “On the Development and Protection of Mountain Areas” adopted in 2020 consists of 10 chapters and 39 articles, which cover a wide range of problems of state policy in the field of development and protection of mountain areas, regulation of entrepreneurial activity in mountain areas, ensuring the development of the education system, tourism, nature conservation, etc. The institutionalization of regulation of nature resource use in mountain regions should be accompanied by research at the local level. The development of criteria for classifying municipalities as mountainous, spelled out in the Implementation Plan for the Spatial Development Strategy of

Russian Federation (2019), formulates, along with practical, methodological tasks of the institutional geography of mountainous countries, in particular, methods for studying institutional boundaries and assessing the effectiveness of various institutions.

Keywords: institutionalization, mountain areas, model law, spatial development strategy.

Введение

В последние годы появилось несколько важных правовых документов, направленных на институционализацию природопользования в России, среди которых особо следует выделить Стратегию пространственного развития РФ до 2025 года (2019) и Модельный закон СНГ «О развитии и охране горных территорий» (2020)³. Первый документ лишь косвенно задевает проблемы горного природопользования, в то время как второй – посвящен именно горам. Правовое обеспечение регулирования жизни людей в горах имеет значительный мировой опыт, но пока еще слабо представлено на пространстве СНГ. В процессе обсуждения горного закона, подготовки содержания этого документа и критического обсуждения его статей «живая» география столкнулась с законотворчеством, ориентированным на строгие и выверенные формулировки. В преамбуле к Модельному закону записано: «Горы и возвышенности занимают значительную часть обширного пространства Содружества независимых государств. Горные регионы государств – участников СНГ расположены в разных физико-географических зонах и характеризуются исключительным природным, этнокультурным и историческим разнообразием. Горы являются хранителями и поставщиками природных ресурсов, от которых зависит жизнь на прилегающих низменных территориях и отдаленных урбанизированных и промышленных центров. В этом аспекте горы играют заметную роль в общенациональных стратегиях и программах социально-экономического развития». Следует подчеркнуть, модельные законы, принимаемые Межпарламентской Ассамблеей СНГ, несут рекомендательный характер. Однако, они часто закладывают основы для совершенствования национальных законодательств. Принятие закона позволит горным странам разработать собственные стратегии (и, возможно, собственные законы о горах!), которые будут учитывать уязвимость горных экосистем к антропогенным и климатическим воздействиям, а также нацелены на защиту прав и интересов, проживающих здесь людей.

Для географов принятие закона означает, прежде всего, осознание на государственном уровне важности горного фактора. Это может дать толчок к дальнейшим комплексным исследованиям гор России, занимающих более половины ее территории. Одной из фундаментальных задач может стать разработка методологических основ институциональной географии горных стран – научного направления, которое включает комплекс фундаментальных проблем и задач по эффективному регулированию природопользования на горных территориях, отличающихся большим разнообразием и фрагментарностью природных условий. В данной статье ставится задача определить особенности институционального регулирования природопользованием в горных регионах с учетом имеющихся методологических подходов и практических шагов, в частности, подготовки и принятия Модельного закона.

Методологические подходы

Горные ландшафты имеют высокую уязвимость к глобальным изменениям окружающей среды. Горы часто сталкиваются с недостатками институтов регулирования природопользования, что усугубляет развитие неустойчивых процессов в горах. Достижение устойчивости в большой степени зависит от эффективного управления [4, 11, 12, 3]. Широко признан статус горных ландшафтов как ресурсов общего пользования, общественного достояния. Однако то, что вкладывается в термин «общественное достояние» далеко не всегда со-

³ https://iacis.ru/novosti/mezhparlamentskaya_assambleya/pyatdesyat_pervoe_plenarnoe_zasedanie_mpa_sng

ответствует представлениям самих горцев [6]. К тому же уязвимость ресурсов общего пользования вследствие их чрезмерной эксплуатации создает серьезные проблемы для управления [9, 5, 10]. Исследования показали, что для повышения эффективности природопользования в горах необходимо четко определить права собственности, соответствующие местным условиям (будь то коммунальные, частные или государственные) [10].

Суть управления намного шире, чем законы и постановления, поскольку оно включает в себя как неформальные, так и формальные механизмы. Формальное управление представляет собой институционализированные способы координации социальных действий, направленные на выработку руководящих правил, а также коллективных товаров и услуг [7]. Результаты управления могут быть итогом социальных действий в рамках местных, субнациональных, транснациональных или международных институциональных структур, отличных от государственных [8].

В географии институциональный подход представлен в основном в работах зарубежных ученых. Институциональный инструментариум используется в социальной и культурной географии, в то время как природно-ресурсное направление и природопользование лишь начинают обращаться к институциональной проблематике. Так, в немецкой культурной географии (*Kulturgeographie*) институты являются важной составляющей анализа дифференциации в хозяйстве и культуре регионов и стран (E. Wirth, B. Werlen, A. Escher, P. Lindner, H. Kreutzmann и др.). Институты – писанные и неписанные правила взаимоотношения людей, а также людей и природы. Институты как «правила игры» можно считать одним из важных факторов географической дифференциации, поскольку они откладывают отпечаток на формы и интенсивность человеческой деятельности, внося тем самым важный вклад в структурирование географического пространства.

Следует подчеркнуть, что институтами можно назвать не все правила, а только те, которые действуют. Поэтому институты отличаются от организаций, которые могут быть лишь формальными вывесками, не имея прямого отношения к правилам, по которым люди устраивают свою жизнь, в частности, ведут природопользование. Они не укореняются в социальные сообщества [1].

Институты являются невидимыми, выражаясь в нормативных функциях и действиях. При этом существование, актуальность и способ воздействия неформальных институтов определить сложнее, чем формальных и официальных. Реальное землепользование сильно отличается от предписанного. Почему в горных (и не только) районах государство не способно стать монополистом в установлении правил природопользования, разработать раз и навсегда четкие правила и законы, регулирующие использование природных ресурсов и условий? Для того чтобы ответить на эти вопросы, надо понять, как идет формирование устойчиво повторяющихся правил (институционализация). Полевые исследования показали, что имеется несколько путей институционализации природопользования [2]. Один из них базируется на выборе наилучшей стратегии и тех путей и правил, которые наиболее оптимальны для реализации целей. Как правило, конкретные акторы часто выбирают пути, заимствуя опыт других акторов, а не следуя слепо законам и предписаниям (которые менее гибкие и нередко являются в тот или иной момент времени консервативными, мешающими) [13]. На постсоветском пространстве, особенно в первый период, когда государства были относительно слабыми, природопользование осуществлялось во многих регионах в обход законов. Другой путь, который довольно распространен именно в горных районах, где сильны природные и культурные ограничения, господствует неопределенность и высокий риск природных стихийных процессов, ведение хозяйственной деятельности на основе собственного опыта и веками выработанных правил. Природопользование в горных районах характеризуется недостатком информации, например, о количестве ресурсов и величине допустимой нагрузки на ландшафты. Нет четкого ответа на вопрос, как застраховаться от социальных и других транзакционных издержек организации природопользования в горах. Дефицит информации не позволяет дать однозначную оценку эффективности разных способов организации труда (коллективное, семейное хозяйство и др.) с разным уровнем сложности и величи-

ной транзакционных издержек. Практически не изучено значение таких особенностей использования земли, как престиж (например, наличие частной собственности на землю в дорогих районах и др.). Повторяющиеся правила, которые акцептируются большинством местных жителей, частично кодируются поведением и передаются из поколения в поколение, закрепляются в местных сообществах в виде местных традиционных институтов. В связи с ослаблением роли институциональных механизмов со стороны государства, роль традиционных регулирующих институтов возросла.

Следует отметить, что в странах, где местное сообщество имеет значительный вес в регулировании природопользования на локальном уровне, институционализация природно-ресурсных отношений «снизу» формально признана, она не ведет к резкому различию традиционных и государственных институтов. Это тот идеальный вариант, когда регулирование природопользования тесно связано с интересами пользователей.

Горные территории в государственной политике

Учет природных различий, представленный в таких основных инструментах государственного управления, как стратегическое планирование и региональное развитие, невозможен в имеющихся административных сетках. Это демонстрирует история закрепления в законах северной специфики. Впервые понятие "Крайний Север" упоминается в "Положении о льготах для лиц, работающих на крайнем Севере РСФСР" (1932). К настоящему времени перечень районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей охватывает 25 субъектов РФ, площадью более 11 млн км² (две трети территории России). Современный рост геополитического «веса» Севера привел к выделению Арктической зоны.

Осознание важности горных различий и «открытие» того, что Россия – горная страна, пришло позже. Горная составляющая развития долгое время оставалась в тени «северной» политики. Ряд горных регионов России, находящихся далеко на юге (Алтай, Тува, Бурятия и др.), попали в перечень территорий, которые вследствие горного положения приравниваются к районам Крайнего Севера. «Невидимость» гор в политике РФ долгое время была связана с тем, что значимость гор была недооценена: не было даже точных подсчетов площади гор, горы считались не типичными для России и малонаселенными, чтобы иметь политическое значение. Недостаточные сведения о горах, о горной специфике, не способствовали возникновению общественного мнения и развитию горного «лобби», которое могло бы обеспечить более высокую политическую значимость гор.

Нынешнее внимание к горной проблематике в значительной мере определяется влиянием трансфера знаний и опыта из других горных стран. На конференции ООН в 1992 году горная тема выделена в ряду других важнейших в Повестке дня на 21 век. Как и в случае с определением границы Севера, проведение границы гор весьма неоднозначно, она не следует административным границам. Так, на региональном уровне закреплено несколько определенных понятий «горная территория». Например, в Законе Республики Дагестан (2010) к горной территории относятся местности выше 1000 метров и местности с пересеченным рельефом и относительными превышениями 500 м и более в радиусе 25 км. Согласно Закону Республики Северная Осетия-Алания (2019), в качестве горной территории понимается местность с пересеченным рельефом и абсолютной высотой рельефа выше 800 м.

Важной вехой формирования государственной горной политики стали 2014-2016 годы, чему способствовала деятельность Главы Республики Дагестан А.Г. Абдулатипова. Был проведен ряд конференций и форумов. В частности, в 2014 году была принята Гунибская декларация «Горные районы Северного Кавказа: развитие через интеграцию культуры, экономики и экологии». 2016 год был объявлен Годом гор Дагестана. Подготовлено обращение Правительства Дагестана к Президенту России с призывом поддержать Хартию устойчивого развития горных территорий России и Федеральный закон «О социально-экономическом развитии горных регионов России». Однако Администрация Президента сообщила о нецелесообразности особых мер по поддержке горных территорий на федеральном уровне. Основной причи-

ной такого решения стал вопрос о трудностях согласования горного законодательства с отраслевыми (лесным, водным и др.).

Модельный закон о горных территориях

Инициативы в формировании особой горной политики перешли к Федеральному Министерству по делам Северного Кавказа (ныне расформировано), которое выступило с инициативой принятия Модельного закона «О развитии и охране горных территорий» для государств-участников Содружества независимых государств (СНГ). Инициатива была поддержана Парламентом Российской Федерации и Межпарламентской Ассамблеей СНГ (МПА СНГ). Институтом законодательства при Правительстве Российской Федерации в партнерстве с Институтом географии РАН был разработан проект Модельного горного закона. 27 ноября 2020 года в Таврическом дворце — штаб-квартире Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств — прошло пленарное заседание Межпарламентской Ассамблеи СНГ, на котором принят Модельный закон «О развитии и охране горных территорий». Интенсивные дискуссии, которые сопровождали разработку всех 10 глав и 39 статей закона, вовлекли ученых и общественность университетов и академических институтов РАН, а также ученых и экспертов из стран СНГ.

Наиболее важные, отправные, понятия изложены в первой статье: горные территории, развитие горных территорий, охрана горных территорий, население (жители) горных территорий, государственная политика в сфере развития и охраны горных территорий, государственная поддержка развития и охраны горных территорий, стратегическое планирование в области развития и охраны горных территорий. При этом в законе не определяются единые для всех границы гор, указывается, что «условия определения границ и уровень высотности горных территорий определяются законодательством государства, в границах которого расположена горная территория». Тем самым признается большое разнообразие условий, невозможность унификации границ гор для всех регионов и стран.

Основными участниками правовых отношений в области развития и охраны горных территории признаются не только органы государственной власти, но и местные органы власти, а также сами граждане, проживающие в пределах горных территорий, и юридические лица, осуществляющие хозяйственную деятельность на горных территориях.

В законе установлены основные принципы реализации государственной политики и правового регулирования развития горных территорий. К ним относятся:

- 1) приоритет прав и законных интересов населения горных территорий;
- 2) обеспечение охраны окружающей среды, естественных экологических систем и ландшафтов;
- 3) учет требований рационального использования природных ресурсов при осуществлении хозяйственной и иной деятельности;
- 4) обеспечение баланса публичных и частных интересов при разработке и реализации целей и задач государственной политики в области развития и охраны горных территорий;
- 5) соблюдение гендерного равенства, защиты прав женщин, детей, лиц пенсионного возраста, малоимущих и иных социально незащищённых слоев населения;
- 6) обеспечение государственной поддержки, включая установление льгот, в том числе налоговых, и преференций гражданам, проживающим в пределах горных территорий, участникам хозяйственной и иной деятельности в целях выравнивания социально-экономических условий развития горных территорий;
- 7) признание права рассмотрения в соответствии с обычаями населения горных территорий споров, связанных с ведением традиционной хозяйственной деятельности и традиционного образа жизни при условии соблюдения требований Конституции и законов государства.

Представляется, что данные принципы для их претворения нуждаются в дальнейших шагах по выработке институциональных механизмов — местных законов. Другой путь здесь —

официальное признание некоторых неформальных институтов и их инкорпорирование в местные законодательства. При этом в статье 7 указано, что «коренные малочисленные народы, проживающие в пределах горных территорий, имеют право на сохранение традиционного уклада жизни и хозяйственной деятельности». Этот аспект также упоминается среди целей государственной политики в области развития и охраны горных территорий – «сохранение традиционного образа жизни и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов».

Крайне важной следует назвать статью, определяющую меры и механизмы государственной поддержки горных территорий. Среди них, в частности, названы: разработка и реализация государственных программ социально-экономического развития горных территорий, дифференцирование ставок платы за землю и имущество на горных территориях, находящихся в государственной собственности и расположенных в границах горных территорий, субсидирование процентной ставки по кредитам, привлекаемым предприятиями и организациями, зарегистрированными на территории горных районов, и др. Предусматривается дополнительное финансовое обеспечение для граждан, нуждающихся в социальном обслуживании и проживающих на горных территориях. Учитывая тренд «сползания» горного населения на равнины, в Законе определены меры государственной поддержки, направленные на привлечение населения для проживания на горных территориях. В частности, предоставление льгот, финансовой поддержки при переселении граждан из других регионов на горные территории, предоставление налоговых льгот гражданам, проживающим на горных территориях, предоставление льгот по оплате коммунальных и иных услуг и др.

В целом следует отметить, что большинство статей отличает стандартизированная формулировка положений, сближающая их с текстами других (в том числе, отраслевых) законов. В некоторой степени это обедняет специфику Закона, касающегося горных территорий. Однако, с другой стороны, это позволяет странам на основе разработанных статей развить собственные национальные горные законодательства.

Оценивая Модельный закон в целом, можно сказать, что он создает условия для совершенствования имеющихся институтов на местах. В процессе подготовки Модельного закона были собраны данные о проблемах, которые требуют совершенствования институтов. Основные противоречия скапливаются в связи с набирающей силу коммерциализацией, приватизацией земель, а также усилением роли местных сообществ, местного самоуправления. Наиболее часто встречающиеся проблемы связаны с наложением (и в некоторых случаях – противоречиями) ряда федеральных и региональных законов по регулированию природопользования в горах; с противоречиями некоторых законов законодательству о местном самоуправлении; с противоречиями природоохранного законодательства и законов, разрешающих приватизацию земель. Особенно остро эта проблема стоит на природоохранных территориях, где проживает местное население.

Нерешенными остаются приграничные и трансграничные аспекты горного природопользования. Многие важные вопросы регулирования природопользования в горах вряд ли возможно (и, наверное, не нужно) «втиснуть» в сухие правовые формулировки. В этой связи Модельный закон обозначает цели, направленные на: 1) привлечение внимания государства и общества к проблемам устойчивого развития горных территорий и сохранению их культурного и природного наследия, 2) формулировку основных принципов инвестиционной политики в сфере устойчивого развития горных территорий с определением функций государства, региональных и муниципальных органов власти, делового сообщества, малого бизнеса и общественных организаций, 3) стимулирование работы парламентов стран СНГ по формированию государственной политики в сфере устойчивого развития горных территорий и созданию правовой основы для ее реализации, 4) способствование унификации законодательства стран СНГ и целей интеграционного пространственного развития горных территорий стран СНГ.

Заключение

В Стратегии пространственного развития РФ нет прямого упоминания горных территорий и горных регионов, которые могли бы получить особый статус. Однако в План реализации Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденный распоряжением Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2019 г., включен пункт 60 «О критериях отнесения муниципальных образований РФ к горным территориям, а также по формированию комплекса мер по устойчивому развитию части территорий Российской Федерации, относящихся к горным территориям». Это событие имеет большое значение для горных регионов России. Оно открывает для горных муниципалитетов возможности дополнительной поддержки. До сих пор горные территории, получавшие большие инвестиции (например, реализация туркластера), проходили мимо местных сообществ, проекты реализовывались на основании решений, принятых вне гор. И даже в тех регионах, где горная тематика закреплена в региональных законах, реализация проектов и обеспечение помощи горному населению наталкивается на отсутствие информации о реальных запросах горного населения⁴. По-видимому, претворение в жизнь принятого Модельного закона о горах, как и другие инициативы по правовому совершенствованию регулирования жизнедеятельности в горах, требуют еще детальных проработок со стороны ученых и в тесном сотрудничестве с региональным руководством и местными муниципалитетами.

В плане разработки критериев отнесения муниципальных образований к горным вырисовываются и некоторые методологические задачи институциональной географии горных стран. К ним можно, например, отнести:

- изучение границ влияния различных природопользователей (равнинных и горных, индивидуальных и коллективных, государственных и частных), а также институтов, регулирующих отношения между этими природопользователями;
- исследование пространственных проекций тех или иных институтов, совпадения их с важнейшими ландшафтными и культурными границами;
- оценка эффективности различных институтов, в том числе формальных и неформальных, новых и старых, традиционных и инновационных, в деле развития и охраны горных территорий.

Приведенный анализ законотворчества по институционализации регулирования природопользования горных регионов должен, конечно, быть дополнен эмпирическими данными, собранными на локальном уровне. Эти данные, при их должном обобщении и обработке, могут быть положены в основу корректировки горной политики. В противном случае, принимаемые «сверху» законы ждет в лучшем случае забвение. В худшем – они станут лазейками для коррупции и ухудшения состояния горных ландшафтов и снижения уровня жизни горных жителей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гуня А.Н. Динамика освоения горного региона: структурные и институциональные факторы (на примере динамики расселения и землепользования в Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии). – Нальчик, КБНЦ РАН, 2008.
2. Гуня А. Институциональное реструктурирование географического пространства: влияние приватизации земель на горные ландшафты Северного Кавказа. – Saarbrücken: Издательство Palmarium Academic Publishing, 2013.
3. Adler C., Balsiger J., Grêt-Regamey A., Heinimann A., Huggel C., Weingartner R., Alcántara-Ayala I., Gebrekirstos A., Grau R., Jimenez Zamora E. et al. Making connections for our

⁴ Устное сообщение проф. Ш.С. Мудуева на совещании 11 декабря - <https://ncscnew.jimdofree.com/ncsc-website/gorni-seminar-part-1/>

changing mountains: Future directions for the mountain research initiative // Mountain Research and Development. – 2020. – 40(1). – P. 1-6.

4. Baumgärtner J., Tikubet G., Gilioli G. Towards adaptive governance of common-pool mountainous agropastoral systems // Sustainability. – 2010. – 2(6). – P. 1448-1471.

5. Bromley D.W. The commons, property, and common-property regimes // In: Bromley D.W., editor. Making the commons work: Theory, practice, and policy. – San Francisco: Institute for Contemporary Studies (ICS) Press, 1992. – P. 3–16.

6. Debarbieux B., Price M.F. Mountain regions: A global common good? // Mountain Research and Development. – 2012. – 32(s1). – P. 7-11.

7. Draude A., Schmelzle C., Risse T. Grundbegriffe der Governanceforschung. Ein Beitrag aus dem Teilprojekt a1. (basic concepts of governance research. A contribution from the subproject a1) // In: SFB-Governance Working Paper Series. – Berlin: Sonderforschungsbereich (SFB), 2012. – 700 s.

8. Krasner S., Risse T. External actors, state-building, and service provision in areas of limited statehood: Introduction. Governance // An International Journal of Policy Administration, and Institutions. – 2014. – 27. – P. 545-567.

9. McCay B.J., Acheson J.M. Human ecology of the commons // In: McCay B.J., Acheson J.M., editors. The question of the commons: The culture and ecology of communal resources. – Tucson: University of Arizona Press, 1987. – P. 1-36.

10. McKean M.A. Common property: What is it, what is it good for, and what makes it work? // In: Gibson C.C., McKean M.A., Ostrom E., editors. People and forests: Communities, institutions and governance. – Cambridge, MA: MIT Press, 2000. – P. 27-56.

11. Mutekwa V.T., Gambiza J. Assessment of governance principles application in forest protected areas: The case of six state forests in Western Zimbabwe // International Forestry Review. – 2016. – 18(4). – P. 466-484.

12. Nguyen M.D., Ancev T., Randall A. Forest governance and economic values of forest ecosystem services in Vietnam // Land Use Policy. – 2020. – Vol. 97. – Article 103297. doi: 10.1016/j.landusepol.2018.03.028

13. Schimank U. Theorien gesellschaftlicher Differenzierung, Opladen, Leske + Budrich. 1996.

REFERENCES

1. Gunya A.N. *Dinamika osvoeniya gornogo regiona: strukturnye i institutsional'nye faktory (na primere dinamiki rasseleniya i zemlepol'zovaniya v Kabardino-Balkarii i Karachaevo-Cherkessii)* [Dynamics of the development of a mountain region: structural and institutional factors (on the example of the dynamics of settlement and land use in Kabardino-Balkaria and Karachay-Cherkessia)]. Nalchik, KBSC RAN, 2008. In Rus.

2. Gunya A. *Institutional restructuring of geographic space: the impact of land privatization on the mountainous landscapes of the North Caucasus*. Saarbrücken, Palmarium Academic Publishing, 2013.

3. Adler C., Balsiger J., Grêt-Regamey A., Heinimann A., Huggel C., Weingartner R., Alcántara-Ayala I., Gebrekirstos A., Grau R., Jimenez Zamora E. et al. Making connections for our changing mountains: Future directions for the mountain research initiative. *Mountain Research and Development*, 2020, vol. 40(1), pp. 1-6.

4. Baumgärtner J., Tikubet G., Gilioli G. Towards adaptive governance of common-pool mountainous agropastoral systems. *Sustainability*, 2010, vol. 2(6), pp. 1448-1471.

5. Bromley D.W. The commons, property, and common-property regimes. In: Bromley D.W., editor. *Making the commons work: Theory, practice, and policy*. San Francisco, Institute for Contemporary Studies Press, 1992. pp. 3–16.

6. Debarbieux B., Price M.F. Mountain regions: A global common good? *Mountain Research and Development*, 2012, vol. 32(s1), pp. 7-11.
7. Draude A., Schmelzle C., Risse T. Grundbegriffe der governanceforschung. Ein beitrag aus dem teilprojekt a1. (basic concepts of governance research. A contribution from the subproject a1). In: *SFB-Governance Working Paper Series*. Berlin, Sonderforschungsbereich (SFB), 2012. 700 p.
8. Krasner S., Risse T. External actors, state-building, and service provision in areas of limited statehood: Introduction. *Governance. An International Journal of Policy Administration, and Institutions*, 2014, vol. 27, pp. 545-567.
9. McCay B.J., Acheson J.M. Human ecology of the commons. In: McCay B.J., Acheson J.M., editors. *The question of the commons: The culture and ecology of communal resources*. Tucson, University of Arizona Press, 1987. pp. 1-36.
10. McKean M.A. Common property: What is it, what is it good for, and what makes it work? In: Gibson C.C., McKean M.A., Ostrom E., editors. *People and forests: Communities, institutions and governance*. Cambridge, MA, MIT Press, 2000. pp. 27-56.
11. Mutekwa V.T., Gambiza J. Assessment of governance principles application in forest protected areas: The case of six state forests in Western Zimbabwe. *International Forestry Review*, 2016, vol. 18(4), pp. 466-484.
12. Nguyen M.D., Ancev T., Randall A. Forest governance and economic values of forest ecosystem services in Vietnam. *Land Use Policy*, 2020, vol. 97, article 103297. doi: 10.1016/j.landusepol.2018.03.028
13. Schimank U. *Theorien gesellschaftlicher Differenzierung*, Opladen, Leske + Budrich, 1996.

Информация об авторе:

Гуня Алексей Николаевич, доктор географических наук, руководитель горной группы МАБ-6 ИГ РАН, Институт географии РАН, 119017, г. Москва, Старомонетный пер., 29. E-mail: a.n.gunya@igras.ru

Alexey N. Gunya, Doctor of Geographical Sciences, Head of the MAB-6 IG RAN mountain group, Institute of Geography RAS, 29, Staromonetny per., Moscow, 119017, Russia. E-mail: a.n.gunya@igras.ru